

Д. Зангабади

перевод А. Абдаль-Маджсида

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА ХАМЫ КАРИМА АРЕФА «КРОВАВЫЙ УХОД»

Джалаль Зангабади – поэт, писатель и переводчик на несколько языков. Статья Д. Зангабади посвящена анализу романа курдского писателя Хамы Карима Арефа «Кровавый уход», созданному в середине 1980-х годов. Роман рассматривается как прорыв из того состояния застоя, которое на протяжении многих лет господствовало в курдской литературе. Это произведение представляет собой первое яркое и сильное описание событий, происходивших в период революции с курдским народом, столкнувшимся с произволом и несправедливостью со стороны иракской власти баасистов. Эта статья – первая серьезная литературная попытка, осуществленная признанным исследователем, который указывает на причины слабости и застоя курдской прозаической литературы.

Роман «Кровавый уход» отличается последовательный и художественный сюжет, основанный, главным образом, на полифонии рассказчиков, которые представляют различные взгляды, мнения, мировоззрения. Сюжет произведения отличается высокой динамикой, которая отсутствует в классическом тексте, где повествование ведется от одного лица. Полифония в романе позволяет изобразить сцены и ситуации с разных точек зрения, передать индивидуальные особенности и раскрыть характеры героев произведения. Один рассказчик следует за другим, что приводит к смене ракурса раскрытия не только характеров персонажей, но и темы самого романа, в результате чего «читатель вводится в лабиринт человеческих дилемм, с которыми сталкиваются персонажи, не для того, чтобы объединиться с ними с точки зрения превосходства или даже симпатии, как в традиционном романе, а с точки зрения открытия, которое требует четкой степени отделения от нарративной позиции» [1, с. 18].

Очевидно, что искусному писателю Хаме Кариму Арефу удалось успешно использовать сюжет романа, задействовав технику повествовательной поли-

фонии. В анализируемом романе «Кровавый уход» отсутствует всезнающий рассказчик. Вместо него, писатель вводит три уровня, или способа, представить разные временные слои и уровни реальности в повествовании. Для раскрытия сути романа, в том числе и характеров главных героев, связанных с ними событий и переживаемых ими эмоций, необходимым представляется классифицировать рассказчиков, их отношение к реальному миру. Они соотносятся с уровнем реалистичного мира:

1. Месту – основной рассказчик, главный герой, ведет повествование от первого лица (я). Как правило, он повествует о том, что происходит с ним здесь и сейчас. При повествовании от имени данного рассказчика монолог преобладает над повествованием. В ряде случаев автор использует прием внутреннего диалога.

2. Садек – рассказчик, который использует дуалистичную манеру повествования. С одной стороны, его повествование направлено к читателю, с другой – он ведет внутренний диалог с самим собой, обращаясь к себе на «ты», и ожидая ответы на поставленные вопросы.

3. «Анонимный» рассказчик. Читатель не знает, кто скрывается за маской данного рассказчика: один из персонажей романа или, возможно, сам автор. Этот рассказчик, по определению Марио Баргас Йоса [2, с. 45], являет собой отличительную характеристику современного романа в целом. В «Кровавом уходе» время от времени этот рассказчик вводится в повествование. Он сторонний наблюдатель: не участвует в описываемых событиях, не высказывает никаких оценок, не навязывает своего мнения. В произведении представлены и другие второстепенные рассказчики, чьи нарративы отделяются (экспоненциально) от трех основных рассказчиков и таким образом все голоса в романе перекрываются, пересекаются и повествовательно взаимодействуют. Следует отметить, что воспоминание обычно доминирует над описанием обстановки и по своей природе определяется особенностями памяти и воображения. При этом следует отметить, что сюжет выступает «контекстом событий в произведении и их взаимозависимости, приводящей к заключению» [3, с. 91]. Взаимозависимость, как правило, имеет причинно-следственную связь и основывается на диалектической связи между причиной и следствием. Повествование организовано в сюжет. В «Кровавом уходе» диалектическая связь временных моделей проявляется благодаря множеству повествований и их разнообразию. В анализируемом романе можно выделить следующие виды нарратива: обычные повествования и воспоминания, которые связаны с событиями прошлого. Повествование по своей сути образно. В романе важное место отводится предчувствиям. Так, например, Месту предчувствует подобный исход и для себя, когда описывает

смерть Сиябанда, а матери Месту Ате снятся вещие сны: накануне ареста ее мужа Садека она увидела это в одном из своих снов. Как и спустя много лет, во сне, она увидела то, что произошло с Месту. Эти повествовательные образы затем объединяются в единую канву повествования романа. Читатель получает возможность ощутить талант писателя, создающего единую конструкцию романа из разрозненных элементов нарративов и взаимосвязанных элементов, которые соединяются воедино и их уже невозможно разъединить. Личность (по своему физическому, психологическому и интеллектуальному состоянию) является одним из важнейших элементов романа, она связана с событиями и совокупностью конфликтов (субъективных и объективных). Действующие лица анализируемого романа прорисованы автором в мельчайших подробностях, что позволяет читателю воспринимать их как реальных во всем разнообразии проявления специфических особенностей: физиологических, психологических и интеллектуальных. Они все разные. У них разные точки зрения, убеждения. В этом аспекте следует особо отметить четко ощущаемое присутствие убитого Сиябанда через образы его матери, Садека, Месту и его врагов.

Характер угнетенных (таких, как Месту и Халифа Хедера) раскрывается через монологи, которые позволяют раскрыть их внутренние конфликты, психологические и когнитивные переживания, в то время как диалоги в целом выявляют конфликты между личностями, как в случае между Махмудом и Сиябандом.

Помимо содержания романа «Кровавый уход», его художественная форма привлекает внимание к композиции, которая формируется при развертывании художественного повествования. В структуру произведения входят рассказчик, место и время.

Помимо рассказчиков романа и действующих лиц, следует также обратить внимание и на такие элементы, как место, время и событие. Место в романе (реальное, воображаемое или объединяющее эти два) строится на описании, которое тесно связано с самими дескрипторами. Иными словами, места (главные и второстепенные), упомянутые в романе, не изолированы, а связаны с действующими лицами и событиями, как, например, при описании Месту, а также деревни и комнаты партийного руководителя Махмуда.

Что касается времени, то в романе «Кровавый уход» отсутствует объективное хронологическое время, а преобладает время психологическое, которое всегда основывается на воспоминаниях и воображении действующих лиц. Событие (реальное или воображаемое) связано с конкретным временем и основано на сюжетах, которые вызывают драматическое напряжение, например, свадьба Садика, потеря каравана и гибель Месту.

Стиль является существенным, он основывается на языке произведения, в соответствии с определением Йосы, согласно которому «романы состоят из слов. Это означает, что то, как романист выбирает лексику, формулирует и составляет словарный запас, является определяющим фактором для достижения убеждения его произведений» [2, с. 33]. В «Кровавом уходе» оригинальность стиля его автора проявляется в интерпретации популярных курдских пословиц и поговорок, например: Трус перед ослом – лев против седла, Взрослые выливают воду, а дети скользят [4, с. 22]; Ночь обязательно закончится [4, с. 26]; Бараны на мясо [4, с. 26]; Если ум отсутствует, душа будет потеряна [4, с. 26]; Бойся застойную воду [4, с. 29]; Пасется с овцами, а ест с волками! [4, с. 31]; Смерть так смерть; а зачем пинать и лягать [4, с. 31]; Это наш огонь – чужой девушке не дадим [4, с. 77]; Журавль безобидная птица, но питается змеями [4, с. 78]; В каждом волоске его бороды есть тысяча хитростей! [4, с. 78].

Для стиля писателя характерно повторение нескольких ключевых фраз, которые активизируют повествование, усиливают согласованность формы романа и придают ему динамичность. Примерами таких повторяющихся на протяжении всего романа фраз могут выступать следующие: «Здесь, в объятиях этой долины, солнце по-прежнему является основным индикатором времени утром, днем и вечером ...» [4, с. 35]; «Ха ... Он твой избранный человек, клянусь именем Всевышнего, если ведущий караваном такой тупой и невежественный, то сотня мудрецов не смогут вернуть канвой на правильный путь» [4, с. 41]; «Пешмерга – это тот, кто первым зажег великую революцию в своей душе ... Короче говоря, пешмергаит – это сущность революции и ее сердце; революция – это: изменение ... Изменение во всех сферах жизни...» [4, с. 43]; «Пешмергаит – это чистая любовь без лицемерия» [4, с. 42]; «Интересы партии превыше всего По решению партии, мы убиваем даже наших членов, чтобы сохранить единство в рядах партии, это то, чего требует железная организация, поэтому мы убиваем его, а затем проливаем слезы на его похоронах перед людьми ...» [4, с. 57]; И «езде, где есть тирания; есть и Пешмерга» [4, с. 42]. Данные фразы являются сквозными для анализируемого произведения, выполняя, прежде всего, текстообразующую функцию.

В переводе на арабский язык роман состоит примерно из 15 210 слов. По размеру его можно было бы отнести к новелле (короткому роману), но мы хорошо знаем, что литературное значение не измеряется объемом текста; самый короткий роман Кафки «Превращение» является более важным, чем «Замок» – самый длинный его роман. Следовательно, «Кровавый уход» является собой пример настоящего курдского романа, а его герои живут среди нас и по сей день.

В первой главе главный герой Месту через монолог восстанавливает разногласия, случившиеся между ним и его отцом Садиком после того, как он объявил о своем намерении присоединиться к партизанскому движению, к движению «пешмерга» в горах Курдистана. Затем повествование переходит к «стороннему» рассказчику, который рассказывает о том, что происходит между отцом Месту и его матерью.

Вторая глава повествует о том, что происходит между Садиком, отцом Месту, и его матерью, а еще рассказывается, как отец намеревался отречься от него. Затем повествование переходит к Садику, который вспоминает вещий сон его жены Ате, когда Месту был еще маленьким ребенком. Садика арестовали, затем последовали допрос и истязания его молодчиками иракских сил безопасности, но он молчал, несмотря на психологические и физические пытки. Отличительной характеристикой данной главы является тот факт, что, рассказывая о событиях своего прошлого, об аресте, Садик Дугри использует монолог, обращаясь к самому себе на *ты*. Подобное построение повествования проходит через весь роман.

Воспоминания об аресте в молодости стали решающим фактором неприятия Садиком решения сына Месту присоединиться к партизанам: «Нет, нет, почему я должен отречься от него?! А ты не знаешь о том, что он является сыном обреченного народа? И, что ты не знаешь, что сыновья обреченного народа обречены стать пешмергами?» [4, с. 33] ... Итак, мы видим, что под давлением решительности сына Садик принимает его решение.

В третьей главе Месту (после того, как он стал пешмергой) рассказывает, как однажды в сумерках он направился в одну курдскую освобожденную деревню для ночлега. Он подходит к окраине деревни, где открывается вид на долину, и его обуревают размышления. У источника, где обычно собираются женщины и девушки, Месту становится невольным свидетелем женского разговора. Он поражен услышанным, поскольку ничего подобного никогда не слышал: в деревне, в присутствии мужчин, женщины так не разговаривают. У Месту просто начинает раскалываться голова от шума детей, болтовни женщин, грохота ёмкостей, бочек, проклятий, болтовни девушек, шепота женщин, мольбы, проклятия жен, обиженных на своих мужей. «Пусть Бог накажет его слепотой! – паралич твоему языку – кокетка, дочь Фатимы пролила свою застенчивость! – Похоть ее вульвы разрывает ее разум! – Поздравляю тебя, О (Мена) косоглазая! – О (Малякия) злоупотребляешь в сожительстве с косоглазым – Пусть ослепнет глаз завистника! – Если бы ты стала женой моего брата – Боже, вы можете дать мне место, я спешу. – Она права, её бык возвращается! – Хотела бы я быть похожей на нее! – Тебя Бог ослепил?! Почему сунула свою руку в мою воду, разве ты не знаешь,

что я помоюсь этой водой после сношения (джанабы)?! – И я утешаю себя, что у меня есть муж, чтоб желтая лихорадка заразила его организм! – а что от тебя осталось, старая карга»?![4, с. 37].

Месту рассказывает, как стал неожиданным гостем в доме Мирзы Исмаила, о разговоре Мирзы Исмаила о пешмергаите, о разговоре Мирзы с Халифой Хедером о конвое. Глава заканчивается уходом Месту из дома Мирзы поздно вечером. Он отправляется спать в мечеть с другими пешмергами, и такая ситуация была обычна в освобожденных курдских деревнях.

Четвертую главу открывает «сторонний» рассказчик, от которого читатель узнает, что Садик Дугри испытывает стресс и беспокойство, вызванные решением его сына вступить в движение пешмерга. Еще больше его беспокоил тот факт, что с некоторых пор от сына совсем не было новостей. Затем повествование передается самому Садику. Воспоминания истории брака Садика с Атой во времена, когда он был молодым пешмерга, содержат познавательную для читателя информацию о традициях и обычаях брака в курдском обществе (особенно в сельской местности). Вспоминает Садик и первую брачную ночь. После этих воспоминаний Садик говорит с Атой о сыне Месту. Жена предлагает ему: «Ну ... в честь той ночи; навести Месту», и он соглашается: «... завтра я отправлюсь к нему» [4, с. 52].

В пятой главе Месту рассказывает, как вернул одеяло, которое он одолжил прошлой ночью в доме Мирзы Исмаила, с деньгами, которые он нашел в нем. Жена Мирзы, Саба, поблагодарила его и благословила пешмергаите. После завтрака он отправляется в путь, обращаясь к себе: «Слава Богу, с тобой все в порядке; и ты не гнил, и вонючий запах коррупции еще не захватил тебя» [4, с. 54]. Затем он погружается в воспоминания о последствиях одной из битв, в которых пешмерга отступали; о том, как некоторые пешмерга ограбили дом поддерживавшего их Амида; о том, как в ответ на обращение Амида с просьбой о помощи к командиру пешмерга Сарбасту, тот грубо ответил ему: «Иди своей дорогой или в противном случае я заберу твою душу или ты убьешь меня как мученика!» [4, с. 56]. Это было первое столкновение в романе между положительными персонажами и коррумпированными членами вооруженного курдского движения. В этой главе из длинного монолога Месту мы узнаем об одном из самых коррумпированных руководителей, о хитроумном Махмуде, который действовал по принципу «цель оправдывает средства» и без угрызения совести под предлогом верности партии, народу и нации неизменно повторял: «Интересы партии превыше всего. Мы будем убивать даже наших членов, чтобы сохранить единство в рядах партии, вот чего требует железная организация, мы убьем и будем горевать и оплакивать их перед людьми» [4, с. 57]. Позже мы узнаем,

что именно он был вдохновителем заговора с целью убить пешмерга Сиябанда и Месту. Затем Месту раскрывает историю вероломного убийства Сиябанда – то, о чем ему рассказал отец.

В шестой главе «сторонний» рассказчик берет на себя повествование, он знакомит читателя с нечистым на руку Махмудом, его молодчиками и подлыми злодеями, сообщает о его сексуальных отношениях с Баруаной, сестрой сутенёра Ддира, приближенного Махмуда. Затем описываются первые замыслы их заговора против Сиябанда, пешмерга, выступившего против коррупции.

В седьмой главе «сторонний» рассказчик описывает освобожденную деревню и раскрывает причины напряженных отношений между дядей Азизом, и Халифой Хедером. Рассказчиком выступает Халифа. В главе повествуется об отчаянном положении пропавшего конвоя и напрасных усилиях найти его. В конце концов дядя Азиз окажется прав в том, что назначение, которое сделал Халифа Хедер, поставив неопытного человека во главе конвоя, было ошибкой. В конце этой главы молодой руководитель Джамаль, новый командир кавалерийской группы, признает горькую правду и вынужден принять решительные меры: «Внезапно он стал говорить с молодежью, кровь бурлила в его венах, у него затряслись поджилки от эмоций и гремел его голос:

– Друзья, наш конвой сбился с пути!

Они ответили ему в один голос:

– Значит, все кончено.

– Но мы не сможем обойтись без конвоя!

– Так мы не можем продолжать ... мы не можем жить. Давайте договоримся сегодня больше не танцевать под чужие барабаны и псалмы. Да, теперь мы должны понять самих себя, чтобы мы могли понять и других. И вообще смелость заключается в том, чтобы познать себя, свои способности и то, что мы можем сделать. И не обмануться самим, а потом не обмануть людей миражом пустых надеж и прихотей. А если всадник не рыцарь, то он будет обузой для лошади, а если погонщик конвоя не достоин быть лидером, то это приведет к потере самого себя и потере конвоя» [3, с. 80].

В восьмой главе от «стороннего» рассказчика мы узнаем о доносе, который был написан Саламом, одним из молодчиков Махмуда, с целью свергнуть пешмерга Сиябанда. В романе представлен диалог между Махмудом и Сиябандом, в ходе которого последний демонстрирует свои глубокие познания в экзистенциальной философии, ставшей его принципиальной позицией.

В девятой главе Месту вспоминает Мерам, мать Сиябанда, несчастную и измученную женщину, но звук сирены прерывает его мысли; он должен поспешить вместе с другими, чтобы помочь своим товарищам, вступившим

в бой, и остановить штурм сил иракской армии и курдских джахшук. В длинном монологе Месту вспоминает в деталях Сиябанда, который воспринимается в данном контексте как предупреждение и предчувствие собственной судьбы. Подтверждением его опасений становится тот факт, что сутенер Длир взял винтовку берно, оставшись позади всех, в то время, когда Месту отправился в бой в первых рядах. И предчувствие сбывается: Месту получает пулю в спину. Ранение оказалось смертельным. По возвращении пешмерга в деревню он умирает в деревенской мечети в окружении товарищей-пешмерга, среди которых были Мирза и дядя Азиз. Умирая, Месту думает о матери, которая ожидает ребенка. Его хоронят на деревенском кладбище.

В последней, десятой главе, от «стороннего» рассказчика мы узнаем о прибытии Садика Дугри, отца Месту, в деревню с целью забрать останки сына и перезахоронить их на городском кладбище. Затем повествование переходит к Садику и становится ясно, что его реальной целью является поиск ответа на волнующий мужчину вопрос о том, где находится рана у сына: спереди или сзади?! Чтобы установить истину, он спрашивает двух товарищей Месту, которые сопровождают его до окраины города: «У меня есть вопрос, который беспокоит меня. Я прошу вас, я прошу вас, ради Бога и Курдистана, ответить мне со всей откровенностью. Был ли Месту трусом, прятался и убегал от врагов?

Клянемся Богом, он был героем во всех битвах, он всегда был героем в первых рядах, – Но почему я задал этот вопрос?! Из его уст донесся глубокий, горящий вздох: “Потому что он был ранен со спины!”» [4, с. 98].

Но убийство Месту – шахида-мученика – не является истинным завершением этого романа. В этой главе раскрывается процесс, ход и будущность жизни и борьбы. Беременная мать Месту рассказывает о своем последнем сне и просит своего мужа Садика принести жертву по всем правилам обычая ради безопасности ее и ребенка после рождения. Садик спрашивает: «Как мы назовем нашего сына, Ате?». И в ответ получает: «Пусть Месту даст ему имя, иди к нему в гости и пусть подберет ему красивое имя...назови его также Месту!»

Анализ произведения позволил выявить несколько других второстепенных историй, связанных с основной, которые, по словам Йосы, организованы по принципу китайской шкатулки или русской матрешки [2, с. 99], где подистории служат цели создать емкий и целостный образ всего повествования. Основная сюжетная линия «Кровавого ухода» – это история Месту, которая является главной, несмотря на то, что ей отводится немного места в романе. Она пересекается с историей его отца Садика, с историей конвоя, образами Махмуда и Сиябанда, которые оказываются связанными

с Месту и его отцом. История Месту выступает отправной точкой, осью и центром повествования романа; следующая по важности история конвоя, соотносимая с основным сюжетом; затем идет не менее важная история Сиябанда, которая может показаться вторичной. В романе «Кровавый уход» четко прослеживается тесная связь истории последнего конвоя, которая символизирует сентябрьскую революцию и ее поражение (1961–1975 гг.), с историей революции в романе (с 1976 г.), хотя в нем не содержится никаких упоминаний об этих датах.

«Кровавый уход» – яркое свидетельство смелости писателя и переводчика Хама Карима Арефа в раскрытии сложных вопросов, поднимаемых в романе. Это произведение стало результатом многолетнего труда писателя, библиография которого включает рассказы, статьи, исследования и переводы. Очевидно, что писатель не привержен какой-либо узкой идеологии. Как говорил Жан-Жак Руссо, «те, кто звонят в колокола, не участвуют в шествиях и праздниках!», поскольку писатель как художник-пророк неизбежно смотрит в будущее и через него на сегодняшний день, в отличие от политика, который видит, как правило, лишь ограниченное настоящее, результатом чего становятся проблемные отношения между ними. В «Кровавом уходе» писатель, как хронометр вечных ценностей, высказывает беспокойство по поводу современного мира, ведь, по словам Вацлава Гавела: «Люди превращаются в стадо баранов в обществе, которое теряет способность произносить слово “нет”». Поэтому честность признается обязанностью писателей и художников, которые должны срывать маски с подлого и ложного.

Рассказчик, переводчик и журналист Хама Карим Ареф написал этот роман в 1986 г. в освобожденной деревне Яхсмер, когда был в рядах пешмерга. Роман был ограничен в распространении, а некоторые лидеры курдских беженцев в то время сжигали экземпляры тиража в деревне Кассим раш на ирако-иранской границе в районе Сардашт. Несмотря на ожесточенное сопротивление этот роман был прочитан образованной частью пешмерга. Роман был переведен на фарси Шайканом (представителем иранского вооруженного движения) в 1987 г., который распространял копии до публикации курдского текста. Он был переведен на арабский язык в 1988 г. Фаизом Абу Шихабом – арабским молодым мосульским независимым интеллектуалом, присоединившимся к вооруженному курдскому движению. Эта работа не отличалась высоким качеством из-за множества сокращений и упущений.

До настоящего времени было опубликовано три издания «Кровавого ухода». На обложке последнего издания напечатано, что «Кровавый уход»

был первым в своем роде произведением, которое подняло острые вопросы современности. Роман стал призывом и обращением изменить состав вооруженного командования освободительного движения того время. Месту был многогранной личностью, его воспринимали по-разному: кто-то видел в нем Мирзу, кто-то – хитрого Махмуда или кого-то еще. Таким образом, через воображение читателя появляется многомерный Месту. Черты других персонажей читатель находит в реальных людях, что позволяет ему представить их вокруг себя.

Принимая во внимание все события, которые предшествовали появлению романа, следует сказать, что он представляет собой образец смелого содержания и высокого художественного уровня, вышедшей из-под пера великого писателя Хамы Карима Арефа в области курдского (художественного) романа. Когда Хама написал «Кровавый уход» и опубликовал его, когда он появился в арабском и персидском переводе, курдская романная литература только начинала развиваться, число курдских романов исчислялось единицами, поэтому «Кровавый уход» принято считать одним из ведущих романов в истории курдской литературы. Благодаря значительным политическим, социальным и культурным трансформациям в обществе 90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. стали началом большого подъема курдского романа в качественном и количественном отношении.

В заключение приходится констатировать, что невысокий уровень развития реальной литературной критики в современном курдском литературоведении и искусствоведении является причиной того, что многие творческие культурные достижения остаются не замеченными широкой аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hafz, S. Alqisat alearabiat walhdath* / S. Hafz. – Bghdad : Dar alshoun alsaqafia, 1990. – 188 S.
2. *Barghas, M. Y. Rasayil 'ilaa riwayiyin shabi* / M. Y. Barghas; trans. S. Eilmani. – Dar almadaa lilthaqafat walnashr, 2005. – 134 S.
3. *Ebdalnwr, J. Almuejam al'adabi* / J. Ebdalnwr. – Bayrut : dar alilm lilmalaiin, 1979. – 674 S.
4. *Earif, H. K. Alrahil alddami* / H. K. Earif ; trans. J. Zangabady. – Arbil : Althakafa, 2012. – 95 S.

The article looks into events that happened in the years of the revolution when the Kurdish people faced injustice and arbitrariness from the Iraqi baasists. This article is the first serious literary attempt of the researcher to show the reasons of the weakness and stagnation of the Kurdish prosaic literature.